

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д42

Lena Jones

Originally published in the English language by
HarperCollins Publishers Ltd. Under the title
Agatha Oddly. The Silver Serpent
Text copyright © Lena Jones 2019
Cover illustration copyright © Alba Filella 2019
Cover design copyright © HarperCollinsPublishers Ltd 2019
The author asserts the moral right to be identified
as the author of this work

Д42 **Джонс, Лина.** Загадка Серебряного Змея / Лина Джонс ; [перевод с английского М. М. Виноградовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективное агентство Агаты).

ISBN 978-5-04-104511-1

С тех пор как Агату приняли в Гильдию Привратников, секретную организацию, распутывающую самые сложные преступления Лондона, девочка мечтала о настоящем деле. И наконец ей выпал шанс доказать всем, что она отличный детектив. В Национальной галерее произошло весьма странное событие: пропал один из кураторов. Есть все основания полагать, что его похитили. Но зачем кому-то нападать на сотрудника музея? И при чём тут известнейшие картины мира? Агата и не догадывается, какие ошеломительные открытия её ждут!

Третья книга в серии.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104511-1

© Виноградова М.М.,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается ученикам начальной школы
Корпус Кристи, Брикстон, Южный Лондон.
Самым преданным фанатам Агаты
на всём земном шаре.*

1

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

— Ты глазеешь на эту картину уже битых десять минут.

Лиам внезапно вырос рядом со мной и, наклонив голову набок, тоже уставился на «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. В этот ноябрьский вторник мы отправились с классом на экскурсию в Национальную галерею.

— Можно подумать, тут спрятано какое-то ещё изображение, — продолжал он. — Ну, знаешь, из тех, которые увидишь, только если долго всматриваться.

— Просто это моя любимая картина, — улыбнулась я.

— Оно и видно!

— Мама тоже её любила. Приводила меня посмотреть на неё всякий раз, как мы проходили мимо.

— И сколько же раз вы посещали это место лишь для того, чтобы узреть его красу? — Последние три слова Лиам произнёс подчёркнуто театрально, широким жестом обводя зал, словно декламировал какое-то вконец затрёпанное стихотворение.

Я засмеялась:

— Да порядочно. — И после паузы добавила: — Впрочем, сегодня картина выглядит чуть-чуть другой.

— Ты о чём?

Я показала на вазу, на которой синим было выведено имя «Винсент»:

— Смотри, этот кусочек такого же цвета, как всегда, но цветы... — я показала на жёлтые лепестки, — они бледнее и яснее, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Без оранжевато-коричневого оттенка? — предположил Лиам.

— Именно!

Я улыбнулась ему. Никто не понимает меня так, как Лиам.

Он пожал плечами:

— Может, их почистили.

— Очень может быть... хотя я-то думала, может, это скорее из-за того, где «Подсолнухи» сейчас висят. Ну то есть их перенесли с обычного места сюда, чтобы включить в состав выставки Ван Гога, так что, может, тут просто немного отличается освещение.

С другой стороны от меня появилась моя

подруга Брианна. Вместо любимого синего оттенка волосы у неё снова стали тёмно-русыми — доктор Харгрейв, наш директор, строго-настрого запретил ей краситься в «неестественные цвета». Однако сейчас волосы оставались у неё только на самой макушке, а вся остальная голова была выбрита. У Брианны тонкие черты лица, и контраст получился почти шокирующим. Как ни странно, ей очень шло.

— Домой ещё не пора? — спросила она, разглядывая ногти — чёрные, с бледно-зелёными черепами.

— Не думаю, — ответил Лиам. — Мы пока посмотрели только один зал.

Мой рюкзак валялся на полу рядом. Брианна присела на корточки и принялась рыться в переднем кармане.

— Эй, ты что это? — спросила я.

— Ищу ультрафиолетовый фонарик. Ты его захватила?

— Должен быть где-то там. А зачем тебе?

— У меня ногти должны светиться.

Я выудила из внутреннего отделения рюкзака маленький фонарик, размером примерно с ручку:

— Вот, держи.

— Спасибо.

Брианна осветила себе на ногти, и мы все любовались тем, как замерцали черепа.

— Э-э-э... Минутку внимания, пожалуйста...

Мы обернулись к миссис Шелли, нашей учительнице искусствоведения, пытающейся привлечь к себе внимание класса. Миссис Шелли всегда носит серое с коричневым самых унылых оттенков, даже волосы у неё какого-то неопределённого буровато-сероватого цвета. И вся она словно бы размытая — акварель, а не живой человек. Я поймала себя на праздных мыслях: а что бы подумал о ней Эркюль Пуаро Агаты Кристи, доведись ему с ней встретиться? Я представила, как мой любимый детектив умудренно покачивает головой и произносит с бельгийским акцентом: «*Non*¹, не бывает на свете безмятежных морей». Может, он прав — может, даже в миссис Шелли таятся скрытые глубины.

— Э-э-э... класс... — повторила она шелестящим полушёпотом, — пожалуйста, пройдем дальше.

Я обвела взглядом одноклассников. Они, похоже, уже довольно давно закончили рассматривать картины, потому что сейчас все толпились вокруг скамеек и окон, болтая и жуя жевательную резинку. Кто заплетал друг другу волосы, кто сидел прямо на полу, делясь всяким интересным на телефонах и хохоча во всё горло. Никто даже и не думал слушать миссис Шелли.

Брианна снова отвлеклась и, направив луч фонарика на стенку, принялась водить им с кар-

¹ Нет (фр.). (Здесь и далее прим. ред.)

тины на картину, по очереди, пока не завернула за угол и не дошла до «Подсолнухов». До сих пор сам луч оставался невидимым, но тут вдруг выхватил что-то, чему там быть совершенно не полагалось. Я придвинулась ближе:

— Смотри!

Прямо под подписью Ван Гога виднелся ещё какой-то значок.

Лиам нахмурился:

— Похоже на букву «В».

— Это и есть «В», — согласилась я. — Но что она здесь делает?

Я сфотографировала этот кусочек при включенном ультрафиолетовом луче. Буковка была выведена витиевато.

В

— Может, это значок галереи... для борьбы с воровством? — предположил Лиам.

— Ты что, правда считаешь, они стали бы что-то писать на бесценном полотне?

Брианна пожала плечами:

— А что, чернила-то невидимые.

Внезапно рядом кто-то очень громко и резко хлопнул в ладоши. Мы все сразу притихли и повернули головы на звук. В центре зала стоял высокий стройный мужчина в дорогом тёмно-синем костюме. Тёмные волосы с проседью, карие глаза. Это был лорд Рэтбоун, отец Сары, моей главной школьной врагини. Сама она

стояла рядом — с самодовольной улыбочкой, лишь усугубляющей её привычное высокомерное выражение.

Обычно я люблю ходить в Национальную галерею — и уже несколько месяцев предвкушала выставку Ван Гога. Однако сейчас, когда выяснилось, что папа Сары — один из покровителей музея, а экскурсия организована исключительно благодаря ему, вся моя радость немедленно куда-то делась: точно воду из тряпки выжали.

Лорд Рэтбоун улыбнулся нам и неожиданно подмигнул. Мне представилось, как он ловит с этой мрачной ухмылкой какую-то мелкую добычу. Совсем как хищная насекомоядная росянка.

— Будьте любезны, проявите уважение к вашей учительнице и выслушайте её мудрые слова. В конце концов, все мы собрались тут, чтобы учиться.

В голосе его сквозили маслянистые нотки — так говорит человек, привыкший, что всё и всегда идёт как он хочет.

Брианна наклонилась к моему уху.

— Фу, он ещё больший воображала, чем его дочурка, — прошептала она.

Я кивнула:

— Теперь мы хотя бы знаем, в кого она такая.

— У меня от него мурашки по коже.

— У меня тоже.

Учительница откашлялась и что-то пролепетала.

— Что-что, миссис Шелли? — переспросил кто-то из мальчишек.

— Ни слова не слышу, — подхватил второй. — А вы?

Лиам придвинулся ко мне:

— Она сказала, пора переходить в следующий зал.

— Откуда ты знаешь?

— Учусь читать по губам. Подумал, может пригодиться.

Лорд Рэтбоун ещё раз хлопнул в ладоши и прокричал:

— Ти-ши-на!

Лицо его приобрело впечатляющий тёмно-багровый оттенок, к которому мне захотелось присмотреться повнимательнее. Думаю, по шестнадцатеричному коду, используемому для определения цветов в компьютерах, это был оттенок номер 9A0000 — но так, с ходу, не приближаясь к Рэтбоуну ближе, чем позволяет вежливость, сказать было трудно.

— Я не потерплю такой наглости! — воскликнул он. — А ну внимательно слушайте учительницу!

Все умолкли, и он кивнул миссис Шелли.

Та покраснела:

— Э-э-э... ну да, благодарю вас, лорд Рэтбоун. А теперь все, пожалуйста, слушайте внимательно. Мы перейдём в следующий зал, и я бы хотела, чтобы вы нашли там картину, которую мы изучали в классе, «Спальня в Арле» — это,

разумеется, одно из любимых полотен самого Ван Гога. Помните, что мы обсуждали — уплощённая перспектива и отсутствие теней. Попробуйте сравнить этот стиль с японскими гравюрами, которые мы видели и которыми художник вдохновлялся. Решите, удалось ли ему, по-вашему, воспроизвести их стилистику. И не забывайте делать записи для обсуждения в классе на следующем занятии.

Мы все покорно поплелись к следующей части выставки. Брианна, Лиам и я шли вместе. Брианна спросила:

— Что там она сказала? Что-то про японские гробницы?

Лиам засмеялся:

— Ты что, не помнишь гравюры, которые мы рассматривали, чтобы понять, как Ван Гог пытался добиться в своих работах сходного эффекта?

Она покачала головой:

— Я на рисовании совсем не слушаю. Ну то есть мне нравится разглядывать картинки и всё такое, но миссис Шелли такая нудная, что я всегда отключаюсь.

— Ты знаешь, что она на самом деле леди? — спросила я.

— Ну, за мужчину я её не принимала.

— Агата имела в виду «её светлость», — пояснил Лиам.

— Серьёзно?! Она же и вполонину не такая высокомерная, как Рэтбоуны.

Лиам засмеялся:

— На свете не найдётся человека, хотя бы вполовину такого же высокомерного, как Рэтбоуны.

— Тсс, — предостерегла я их.

Сара и её папочка шагали мимо нас, точно часовые в карауле.

Подобраться поближе к «Спальне в Арле» нам не удалось, и мы, остановившись в задних рядах, продолжили болтать. Но через шесть-семь минут мне наскучило любоваться чужими затылками.

— Пойду ещё раз взгляну на «Подсолнухи», — сказала я друзьям. — Никак не пойму, что там делает эта буква «В». Прикроете меня?

— И как, по-твоему, мы это сделаем? — поинтересовалась Брианна.

— Скажете, я пошла в туалет, — предложила я и, удостоверившись, что Рэтбоуны снова беседуют с учительницей, скользнула обратно в опустевший зал. Ну, не совсем опустевший: перед «Подсолнухами» стоял какой-то совсем молодой парень, почти мальчик. При моём приближении он обернулся.

— Люблю эту картину, — сказал он так запросто, точно мы были старыми друзьями.

— М-м-м, я тоже.

— Всегда иду к «Подсолнухам», как оказываюсь в галерее.

— Э... и я. — Надо, пожалуй, придумать ещё какой-нибудь вариант ответа. — Одна из